

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1.....	7
Глава 2.....	35
Глава 3.....	56
Глава 4.....	86
Глава 5.....	97
Глава 6	120
Глава 7.....	134
Глава 8.....	162
Глава 9	182
Глава 10.....	222

ГЛАВА I

Оля!

Зимой я трижды вспоминал твои трогательные (от слова «трогать») веснушки.

Первый раз — когда был на барахолке, проводил экскурсию для приезжего друга. Мы шли вечерними рядами по утопанному снегу, поскользывались, как два пингвина, и я упал и случайно задел, уронил товар с прилавка — мешочек с игрой лото. Из него высыпались деревянные бочонки, картонные кружочки-фишки, разлетелись по снегу шагов на пять. Собирали втроем, извинялись и смеялись. Я всё смотрел на картонные фишки и думал: надо же, как похоже на твои веснушки.

Второй раз — когда я внезапно попал на крышу дома. Собирался пойти к реке, по-

смотреть, как замерз лед. Во дворе на выходе из парадной обнаружилась неразбериха, чистильщики снега что-то там забыли внизу и не могли спуститься, будучи уже привязанными и застрахованными, и охранник попросил меня подняться к чердаку, передать ребятам какую-то железяку, и вот я пошел, поднялся туда и, пока передавал железяку, глянул над крышей — а на деревьях, на фоне неба, так, знаешь, редко-редко, врассыпную, оставались осенние листья. Я тогда посмотрел и подумал: надо же, как похоже на твои веснушки.

Третий раз — когда был в гостях у Оганесянов. Они пекли торт, долго спорили, «Графские развалины» это или «Хлопчик кучерявый» (вроде бы так называется). Пока спорили, на улице стемнело. Мне поручили натереть горький шоколад на терке. Терка была без ручки, трудно ее держать, старался попасть аккуратно в чашку. Оганесяны хихикали, щипали друг друга и, кажется, чуть-чуть целовались в прихожей. Терка, как я уже сказал, была без ручки, как я был без тебя в тот вечер, и шоколадная крошка иногда сыпалась мимо, на белый стол. Я всё смотрел на нее и думал: надо же, как похоже на твои веснушки.

Воюодя

* * *

Эмиль из Лённеберги, двое из ларца, гости из будущего, черт из табакерки. А семья Саратовых — из небольшого городка.

— Да какого городка! — кричит из машины проезжающий мимо таксист Дядь Витя. — Обычный пэ-гэ-тэ.

Это значит «поселок городского типа». Дядь Витя считает, что до статуса города и инфраструктуры не хватает, и населения, и много чего еще. Он всегда всё знает. И как будто бы во всём разбирается.

Но — такси уехало, а городок стоит.

Казалось бы, ничего тут нет примечательного. Центральная площадь, махонький парк, зеленый микрорайон с панельками, какой-никакой проспект. Больница, поликлиника, несколько школ. Большинство улиц и домов в городке — так называемый частный сектор с приусадебными участками и огородами.

Проезжая мимо, и не подумаешь, какие истории могут скрываться за этими улицами. Какие легенды.

А в городке, между прочим, действительно есть своя легенда. Про странных цыганинов. Большинство здешних жителей так и говорят: цыганины. Как фамилия. «Цыганины» на СТС.

Кстати, вот как раз идет женщина из местных.

Что она знает о таинственных цыганинах?

— Как вам сказать... Я прожила довольно долгую жизнь.

На этом диалог с прохожей обрывается: увы, она слишком не в себе, чтобы ответить понятно и прямо. Говорят, в юности женщина крутила роман с бродягой из табора. Страстно и, к ее сожалению, недолго. Прощаясь, цыганин сказал, что вернется — его можно будет узнать по красной шапке. И не вернулся. А женщина, отчаявшись ждать, сама нацепила красную шапку и с тех пор ее не снимает.

Вот еще один прохожий.

— Знаете, — спрашивает, — кто эта женщина? Она когда-то хотела стать знаменитой, а потом ей цыганин помог. Удружил, как видите. Хе-хе. Коротче, с цыганинами тут лучше не связываться. У Сашки Ерофеева в прошлом году из-за них дом сгорел. Беда!

Прохожий понизил голос:

— Сашка сам виноват. Он пьяный цыганина побил. На Новый год. Полез в избушку, где цыганины ночуют. Нельзя их трогать! Им лучше добро сделать, тогда и они с тобой по-доброму.

Оглянувшись по сторонам, житель городка решил на полусшепот:

— Ирка вон с мужем ребеночка заделать не могли. Так однажды цыганинов подвезли на своей ма-

шине, и всё. Получилось. Зря вы смеетесь! Ирка сама рассказывала: прям из центра они их забрали с мужем. Говорит, как из-под земли выросли. Стоят, баулы на плечах, в лохмотьях каких-то, на дорогу показывают — ну понятно, подвезти просят. Вот они, эт самое, до крайней улицы их отвезли, где дом заброшенный. Денег брать не стали. Так Ирка через полтора года двойняшек родила! А? А вы говорите. С бродягами дело непростое. Я сам как думаю: жизнь, она ведь, понимаете...

Услышав разговор, подошли другие прохожие. Да, мол, появляются в городке такие товарищи. Если цыганина обидеть, проклянет так, что человек заболит, попадет в неприятности, пропадет без вести. А кто на них зла не держит, тому и желание могут исполнить.

Заговорив о сокровенном, прохожие начали спорить, а успокоившись, кинулись рассказывать про себя, про жизнь, про молодость. Про цены, политику, дороги и увлеклись настолько, что забыли, с чего начали.

Бродяги тем временем пропадали, появлялись, опять держали путь, ведомый только им, и вот теперь снова оказались в городке — на этот раз на улице Октябрьской, по которой сырым весенним днем возвращалась домой из школы восьмиклассница Катя Саратова.

Полчаса назад она подралась и прогуляла последний урок. Первое с ней случалось редко. Второе — практически никогда. Саратова — прилежная ученица и, как надеются учителя, будущая медалистка.

Улица Октябрьская, огибающая городок с северной стороны, у развалин мукомольного комбината, даже в апреле оставалась октябрьской. На других улицах пробивалась зелень, земля уже дышала теплом, пока еще робким и прозрачным. А Октябрьская как была помойкой, так и осталась. Грязная, неухоженная, одичалая. С вечными пакетами мусора и бродячими собаками в овраге (Кате иногда мерещилось, что на дне оврага лежит мертвая проститутка). Бетонные плиты заборов торчали над глиняными оврагами как прокуренные зубы. Вдоль плит вела тропинка с комбината, и улицей этот путь назывался, должно быть, лишь потому, что с другой стороны стояло несколько пустых домов.

Катя достала влажную салфетку — на пачке красовалась надпись «Для всей семьи», — приложила к губе, поморщилась: еще кровит. Тропинка вильнула и вывела к пустырю. Впереди, за кустами и ржавой бочкой, послышалось хриплое лаянье.

Надо прикинуть обходной путь. Еще разок прижав салфетку ко рту, Катя брезгливо бросила ее в траву, пошла напролом через кусты и увидела

собак. Тощие, с грязной рыжей шерстью, местами словно выдранный лишаем, они скалились и рычали на испуганного мальчишку, приближаясь к нему с трех сторон.

Пацан заметил, что на него смотрит кто-то еще, кроме одичалых псов.

В этот момент Катя замахнулась и бросила камень в сторону ближайшего, покрупнее. Камень глухо стукнулся об землю, спугнув собак, они заскулили и, оглядываясь, побежали вниз, к оврагу.

— Ты как? — Катя подошла к мальчишке. — Испугался?

Пацан показался неместным. Кареглазый, смуглый, в засаленной зимней куртке на несколько размеров больше нужного, он теребил грязные пальцы, торчащие из подвернутых рукавов, и молчал.

— Может, заблудился?

Растерянный взгляд.

— Где ты живешь? Проводить тебя?

Мальчик приоткрыл рот, пытаясь что-то произнести, и стал делать Кате знаки и жесты, ни один из которых она не понимала даже примерно.

— погоди. — Катя потрогала себя за уши. — Ты не слышишь, не говоришь?

«Вот я дура, зачем тогда спрашиваю».

Мальчик отошел на шаг.

— Ладно, ладно, всё, ухожу.

Их глаза — ее удивленные серые и его напуганные черные — встретились. Воздух качнулся, в голове зашумело. Пацан глядел в упор, не моргая. Во взгляде блеснуло что-то пугающее, как пугает кухонный нож в руке подвыпившего человека.

Черные глазища стрельнули в сторону, Катя оглянулась и увидела цыганинов.

Много лет спустя их образ иногда будет топтать в дальних комнатах ее памяти. Одетые в лохмотья, обмотанные тряпьем, подпоясанные чем попало, в стоптанных сапогах или в неожиданно белых кроссовках (украденных?), разного роста и возраста, они стояли и смотрели на Катю.

От них пахло дымом, как в предбаннике, бальзамом «Звездочка» и мокрой собачьей шерстью. Катя подумала, что это странно и странно то, что от незнакомецев не воняет, например, мочой и перегаром, как от некоторых бездомных, что встречались ей возле вокзала и на рынке за старыми ларьками, где они жили в коробках и картонках, иногда устраивая между собой медленные разборки с тягучей и ни к чему не приводящей возней, после которой, кажется, все засыпали.

Это совсем другие бродяги.

Со стороны оврага затрещали кусты. Высокий цыганин с седыми усами вздернул нос, приняхиваясь.

Над линией неровной земли, за которой шел обрыв и спуск вниз, показались лохматые уши, волчьи морды. Цепляясь за кочки, перебирая худыми лапами, псы вылезли наверх, обошли бродяг с нескольких сторон и зарычали.

Цыганин с седыми усами кивнул своим. Те потеснились, пропустив вперед женщину в черном платке. Она вышла на пустырь, остановилась возле Кати, сняла с головы платок, плюнула на него и взмахнула трижды.

Собаки заскулили, присели на задние лапы.

Катя схватилась за голову: в затылке больно ковырнуло. Ноги подкосились. Померещилось, будто трава под ногами женщины ожила и заговорила.

Платок медленно кувыркнулся, как ленточка в руках гимнастки. Собаки рухнули набок и замолкли.

Опережая испуг человеческой девочки из небольшого городка, женщина посмотрела на Катю и сказала:

— Я их не убила. Я их усыпила.

Собаки и вправду спали.

— Тут болит? — Усыпительница показала на голову, обращаясь к Кате. — Боишься?

Катя нехотя согласилась.

— Скоро перестанет. Дома долго спать будешь.

Усыпительница сняла сумку с плеча, порылась в ней: